

Сун Хайлинь внезапно рассмеялся:

— Ты думал, что я уехал и не вернусь в школу?

Сказав это, он толкнул дверь:

— Можем мы не разговаривать так, будто это свидание в тюрьме?

Су Шэнь ничего не ответил, отступив назад, чтобы дать Сун Хайлиню открыть дверь. В голове он подумал: «Сам говорил, что пробудешь здесь максимум один семестр».

Сун Хайлинь, словно почувствовав его мысли, вошел и начал:

— Я не говорил тебе, сколько баллов я набрал на этом экзамене? Скажу — ты упадешь в обморок.

— Не упаду.

— Эй, ты совсем не поддерживаешь.

Его результаты на этот раз были небывало высокими. Именно за это его отец, подтвердив правильность своего мудрого решения, решил продлить срок его «ссылки».

К этому Сун Хайлинь не мог найти слов.

Казалось, он был даже рад.

И он думал, что даже если бы отец не поднял этот вопрос, он бы сам предложил остаться.

Почему? Разве это не очевидно?

Все эти дни он только об этом и думал. Его симпатия к волости Циншуй на самом деле была заслугой Су Шэня. Все эти разговоры о простоте нравов, красивых пейзажах и добрых людях — полная чушь. Если бы не Су Шэнь, он бы не смог ощутить прелести деревенской жизни, даже если бы прожил здесь год или два.

Не говоря уже о тётках, которые целыми днями кричат и сплетничают, даже этот старый звонок у входа в класс был бы достаточной причиной, чтобы он ненавидел всю свою школьную жизнь.

Кроме того, без Су Шэня он бы объективно не смог остаться.

Он вынужден был признать, что его небывалый результат на экзамене на все сто процентов был заслугой тех самых тестов Су Шэня, которые он называл «билетом в престижный университет».

Продолжая хвастаться перед Су Шэнем своими успехами, он шёл за ним, по пути ловко схватив с подоконника сушёный финик.

Что раньше он не думал, что учёба может быть такой лёгкой, что его баллы превысили проходной порог — если бы он продолжал в том же духе, он бы, наверное, скоро стал лучшим учеником в стране.

Су Шэнь, стоя у печи и готовя еду, прервал его, прежде чем тот успел сравняться с Эйнштейном, и спросил, нагревая дно кастрюли:

— Ты уже поел?

— Ха-ха, нет, — ответил Сун Хайлинь. — Снова жаришь цзяоцзы?

— Мечтай, — сказал Су Шэнь. — Готовлю лапшу. Есть будешь?

Сун Хайлинь уже собирался согласиться, но Су Шэнь добавил:

— Простая лапша в воде. Больше я ничего не умею.

Бабушка Су вошла с тарелкой солений и пачкой лапши, говоря по пути:

— Эта лапша сделана вручную.

Су Шэнь налил в кастрюлю немного горячей воды и бросил туда лапшу.

Сун Хайлинь вздохнул и отодвинул свой стул в сторону. Су Шэнь, держа в руках палочки, собирался помешать лапшу, но, увидев, что его отодвинули, крикнул:

— Эй, что ты делаешь? Не видишь, что я готовлю?

— Вижу, вижу, — сказал Сун Хайлинь. — Как ты можешь есть такую простую лапшу на завтрак?

— Если не можешь, тогда сам приготовь что-нибудь.

Су Шэнь скрестил руки, смотря на него с выражением «попробуй сам».

Сун Хайлинь усмехнулся:

— Ты, наверное, не знаешь моего прозвища?

— Осмелюсь спросить, как зовут великого мастера?

Он сел на табурет перед печью, ловко открыл крышку кастрюли, проверил мягкость лапши палочками, затем закрыл крышку и сказал:

— Меня зовут Маленький повар Китая.

Едва он произнёс эти слова, как Су Шэнь рассмеялся, пожимая плечами:

— Ты ещё смеешь жаловаться на чужие прозвища, а твоё само хуже, чем у школьника.

— Прозвище...

Сун Хайлинь пробормотал что-то, снял крышку, выложил лапшу в миску, затем взял со стеллажа масло, соль, соевый соус и пасту из ферментированных бобов. Он разогрел сковороду, налил масло и бросил туда два маленьких перца.

Бабушка Су подошла и посмотрела:

— Да Хэй, ты умеешь готовить?

— Немного. Когда родителям некогда было готовить, я делал это сам, — сказал Сун Хайлинь, добавляя пасту из бобов и перемешивая лопаткой. — Я немного привередлив в еде, не люблю покупать еду на улице, поэтому научился готовить.

Услышав его рассказы о детстве, бабушка Су сразу же заинтересовалась и начала рассказывать истории о детстве Су Шэня, оживлённо переговариваясь с Сун Хайлинем. Су Шэнь, слушая, как бабушка рассказывает, как он в детстве падал с кровати, потёр переносицу.

Они говорили всё веселее, не останавливаясь ни на секунду, пока еда не была готова и они не начали есть. Су Шэнь оказался полностью забыт. Он перемешал лапшу — Маленький повар Китая не врал, она действительно была вкусной.

Сун Хайлинь с интересом слушал рассказы бабушки о подвигах Су Шэня, не желая останавливаться, пока Су Шэнь не вмешался и не прекратил разговор.

Ему было жаль.

Он хотел узнать, как Су Шэнь в начальной школе подкладывал гусениц в щель двери учителя.

Только Сун Хайлинь вошёл в дом, как раздался звонок.

Он лениво ответил:

— Алло?

И, покачиваясь, пошёл в комнату. На другом конце провода раздался крик матери Пана, и он поспешил отодвинуть трубку от уха, подождав, пока крики стихнут, и снова поднёс трубку.

— Мама Пана, ты мне уши прошьёшь.

— Что случилось? Почему срок «ссылки» продлили?

— А... — Он крутился вокруг финикового дерева. — Наверное, потому что я слишком хорошо себя вёл, и твой начальник Сун укрепился в своём решении.

Пань Шичэн снова что-то закричал на другом конце провода.

Сун Хайлинь не особо слушал. Пань Шичэн ещё не закончил, как он вдруг воскликнул:

— Ой!

— Что случилось?

Услышав его возглас, Пань Шичэн тоже замолчал.

Сун Хайлинь присел, чтобы посмотреть, что ему помешало под ногой, и поднял это. Это была перьевая ручка.

— Ничего, продолжай.

Он зажал телефон плечом и двумя руками открыл ручку.

Странно, эта ручка была новой. В ней не было следов чернил.

Но снаружи металлическое кольцо на колпачке было покрыто ржавчиной, и вся ручка выглядела старой.

Но выглядела она неплохо.

Он подбросил ручку в руке, и вдруг его осенило.

Разговаривая с бабушкой, он узнал, когда у Су Шэня день рождения. Он ещё не решил, что подарить, и тут как раз подвернулся этот подарок.

Он быстро прервал Пана, который всё ещё что-то бормотал:

— Пань.

Пань Шичэн на другом конце провода покрылся мурашками:

— Говори дело, не будь таким противным.

— Хе-хе, сделай мне одолжение. Я сейчас отправлю тебе фото, купи мне такую же ручку.

— Ручку?

На другом конце провода зазвенели тревожные звоночки.

— Кому? Говори, это та самая, с которой ты мечтал? Ты вообще не в ссылке, ты тут наслаждаешься жизнью, да?

Сун Хайлинь продолжал рассматривать ручку, думая, что она, вероятно, не дешёвая, и рассчитывая, хватит ли ему новогодних денег. Услышав поток вопросов Пана, он сказал:

— Мне не нравится, как ты говоришь. Ручка, разве я сам не могу её использовать?

— Да брось ты, ты даже стержень для ручки за семестр не израсходуешь.

Пань Шичэн саркастически ответил.

— А ты лучше? — сказал Сун Хайлинь. — Даже если я буду писать обычной ручкой, мой почерк будет красивым, а твой — как каракули.

— Каракули так каракули, этот почерк у нас семейный — не отвлекайся, расскажи, что за ручка?

Сун Хайлинь не ответил ему, сфотографировал ручку и отправил фото.

Пань Шичэн открыл изображение и посмотрел:

— Ты уверен, что хочешь подарить это?

— А что, она мне кажется красивой.

— Это обычная ручка, да ещё и старая модель, — сказал Пань Шичэн, добавив:

— Не подходит для подарка.

— Когда ты стал таким экспертом по ручкам?

Сун Хайлинь вертел ручку в руках, она выглядела красивой, необычной.

— У моего деда была такая, уже несколько десятилетий, — сказал Пань Шичэн. — Где ты нашёл такую ручку?

Сун Хайлинь не ответил ему.

Эта ручка и ему казалась странной.

Под финиковым деревом он часто ходил, но никогда не видел такой ручки. Это точно не дедова, она, видимо, недавно упала здесь. Но такая старая ручка, явно пролежавшая под дождём и ветром, как кто-то мог её носить с собой?

Пань Шичэн несколько раз звал его, спрашивая, кому он хочет подарить подарок.

<http://bllate.org/book/15285/1350540>